

О ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ РОССИИ XVI—XVIII вв.

(ПО ПОВОДУ КНИГИ В. Б. КАФЕНГАУЗА)¹

Академик С. Г. СТРУМИЛИН

Вопрос об образовании внутреннего рынка в феодальной России теснейшим образом связан с общей проблемой генезиса в ней капитализма еще на самых первых ступенях его развития, в рамках натурального в основном крепостного хозяйства. Правда, товарные отношения имели место и в докапиталистических хозяйственных формациях. «Продукт принимает форму товара,— писал об этом В. И. Ленин,— в самых различных общественных производственных организациях, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является *общей*, а не исключительной...»². Именно поэтому Ленин рассматривал товарное производство в такой его развитой, общей форме одним из существенных признаков капитализма. И усматривая в русской истории «примерно с 17 века» такой рост товарного обращения, при котором небольшие местные рынки связывались уже в один общий, «всероссийский рынок», Ленин, как известно, находил, что «создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»³. Иными словами, Ленин в создании всероссийского рынка ясно видел существенный признак зачатков развития буржуазной формации уже в крепостной России.

В исследовании генезиса капитализма в России советскими экономистами и историками проделана уже очень большая и плодотворная работа. Но все же остается еще не мало неясных и дискуссионных вопросов, в особенности в отношении самых начальных фаз этого генезиса и периодизации важнейших его этапов. С какого времени началась нисходящая стадия в развитии феодального хозяйства России? С какого момента можно говорить о *мануфактурной* стадии развития промышленности в России? Когда ее удельный вес стал достаточно значительным для того, чтобы рассматривать ее уже как новый, капиталистический уклад в старой системе феодально-крепостного хозяйства? Когда мануфактура начала перерастать в фабрику? Когда завершился промышленный переворот? Все это еще не решенные вопросы. И каждое новое исследование конкретной экономики XVII—XVIII вв. проливает новый свет на эти проблемы.

Материал таможенных книг первой половины XVIII в., изученный Б. Б. Кафенгаузом, далеко не охватывает всех торговых оборотов того времени, даже по тем нескольким годам и рынкам, какие вошли в книгу автора. Многие книги утеряны, и, например, даже по Москве автор смог подвести итоги продаж только за три месяца (январь — март) 1726 г. и то не по всем товарам. Не сохранилось таможенных книг по С.-Петербургу и целому ряду других крупнейших рынков. И все же работа автора представляет огромный интерес и ценность.

¹ Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен), Изд. АН СССР, М., 1958.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 417.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137—138.

Масштабы товарооборота по внутренней торговле России того времени определяются только в общей сумме по обложению ее пошлиной в размере 10 денег с рубля или 5% от продажной цены. Итог таможенных сборов этой пошлины для 1720—1730-х гг. составлял около 600 тыс. руб., и, стало быть, обороты внутренней торговли Петровской эпохи достигали не менее 12 млн. руб. серебром⁴. Но это далеко не полный итог торговых оборотов. К нему прежде всего следует прибавить итоги вывоза российских товаров за границу, которые облагались особой пошлиной и достигали в 1718 г. 2612 тыс. руб., а в 1726 г.—2688 тыс. руб.⁵ Кроме того, и по внутренней торговле не учтены все обороты по продаже кабацких питей. Доход казны по этой статье в 1724 г. (с откупщиков по 35 коп. с ведра и за казенное вино «истинных») составлял $(992 + 362) = 1354$ тыс. руб. при продажной цене ведра около 80—85 коп. Стало быть, оборот по продаже вина достигал не менее 2,8 млн. ведер на 2,3 млн. руб., а весь оборот по внутренним и внешним таможням и кабацкой торговле составлял в 1724 г. не менее $12 + 2,7 + 2,3 = 17,0$ млн. руб., не считая продукции соляной и табачной монополий и некоторых других⁶.

Для сравнения приведем следующий примерный расчет. К 1724 г. в России насчитывалось 14 млн. душ населения обоего пола и, стало быть, до 7 млн. душ м. п. Из них тяглое население составляло 5656 тыс. душ, или 81%, в том числе в рабочем возрасте от 15 до 60 лет, по данным того времени, не менее 52%⁷ или 2940 тыс. работников. Считая, по казенному плакату, от 4 до 5 коп. в день, их заработок за 250 рабочих дней или доход от собственного хозяйства достигал не менее 11 руб. на каждого, или до 32 млн. руб. по всей стране, а с учетом прибавочного продукта, извлекаемого помещиками, торговцами и мануфактуристами в размерах от 50 до 100% от доходов трудящихся, весь народный доход того времени едва ли выходил за пределы 48—64 млн. руб., и его товарная доля в 17 с лишним млн. руб. составляла в таком случае от 26 до 35%. Это довольно высокий процент товарности для феодальной эпохи и во всяком случае он возможен только на нисходящей стадии ее развития. Отметим для сравнения, что и в капиталистической России товарность сельского хозяйства в 1913 г., по моим расчетам, не превышала 35,7% (4938 млн. руб., включая даже внутريدеревенский оборот из 13 814 млн. руб. общей продукции земли и леса)⁸.

К сожалению, мы не располагаем данными о товарном обращении допетровской эпохи. Но если можно судить о его размерах по динамике такого показателя как таможенные пошлины в портах и внутри страны и кабацкие доходы в государственном бюджете того времени, то весьма показательными придется признать следующие цифры⁹:

Таможенные и кабацкие доходы в тыс. руб.			
Годы	1680	1701	1724
Доходы в текущей валюте	650	1196	2466
" в валюте 1724 г.	1313	1400	2466
" в %	100	107	188

⁴ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 17 и 261.

⁵ А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г., ч. III, СПб., 1859, стр. 23, 25, 31.

⁶ В. Н. Яковлевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, М., 1953, стр. 32, 155; Ф. Я. Полянский. Первоначальное накопление капитала в России, М., 1958, стр. 26—28, 33.

⁷ П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVII столетия и реформа Петра Великого, изд. 2, СПб., 1905, стр. 204, прим.

⁸ С. Струмилин. Наш довоенный товарооборот. «Плановое хозяйство», 1925, № 1, стр. 118.

⁹ П. Милюков. Указ. соч., стр. 116, 118, 669.

По весу серебра рубль 1701 г. превышал рубль 1724 г. на 17%, а в 1680 г. в 2,02 раза. Но и с учетом этой порчи монеты можно отметить заметный скачок итога доходов, связанный с ростом товарного обращения в первой четверти XVIII в.

Рост товарности феодального хозяйства продолжается и в дальнейшем, явно опережая рост населения. И это тоже может служить вернейшим признаком разложения его натуральных основ. Уже к середине XVIII в., перед ликвидацией внутренних таможен (в 1753 г.), таможенные пошлины по внутренней торговле превышали 900 тыс. руб. и, стало быть, продажа товаров внутри страны превысила 18 млн. руб. А с учетом вывоза за границу — в 1749 г. 6896 тыс. руб. и кабацких питей на сумму 3 млн. руб. — общий итог по продаже товаров достигал 27,9 млн. руб. И даже с учетом снижения веса серебра в рубле на 16% он был не ниже 23,2 млн. руб. в валюте 1724 г., т. е. на 37% выше итога 1724 г. К началу XIX в. внутренний товарооборот России исчислялся уже в 500 млн. руб. ассигнациями¹⁰, а к концу капиталистической эпохи этот оборот исчислялся уже миллиардами. Но все эти цифры без сопоставления их с данными о росте населения и цен мало сравнимы.

Кроме того, следует помнить, что итоги оборотов, обложенных таможенными пошлинами в 1724 и 1749 гг., соответствуют товарной продукции этих лет без повторного счета перепродаж. А торговые обороты капиталистической России, включая и оптовую, и розничную торговлю, несомненно, в значительной мере включают эти перепродажи с переходом от опта к рознице, причем с ростом индустриализации вообще и крупной промышленности в особенности оптовое звено должно опережать в своем росте общий рост товарооборота в стране. Весь учтенный торговый оборот за 1888—1913 гг. возрос за 25 лет с 4025 до 11 754 млн. руб. По отношению к валовой продукции сельского хозяйства и промышленности за 1913 г. (13 814+7672=21 486 млн. руб.) весь торговый оборот в 11 754 млн. руб. составил бы уже до 55%. Но для большей сравнимости с данными феодальной эпохи внесем еще поправку в итоги торговых оборотов за 1888—1913 гг., снизив их примерно на 35% за счет повторного счета в оптовой торговле и приведем такое их сопоставление с итогами 1724—1749 гг.:

Г о д ы	1724	1749	1888	1913
I. Товарная продукция				
а) в текущих ценах в млн руб.	17,0	27,9	2 616	7 640
б) в ценах 1913 г.	170	232	3 640	7 640
в %	100	136	2 141	4 494
II. Население России				
а) в млн душ	14,1	16,5	116	173
б) в %	100	117	823	1 223
III. Товарная продукция на душу				
а) в руб. 1913 г.	12,1	14,1	31,4	44,2
б) в %	100	117	260	365

Как видим, население выросло всего в 12 раз, а товарная продукция по всей стране — почти в 45 раз. Но из расчета на душу этот рост (за 189 лет в 3,65 раза) совсем уже скромнен, в среднем менее 7% за десятилетие. И лишь за последнюю четверть века капиталистической эпохи обнаруживается заметное ускорение этого роста. По отношению к народ-

¹⁰ Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 27.

ному доходу, оценивая его к 1913 г. в 16,4 млрд. руб. золотом¹¹, товарная его доля (7,64 млрд.) составляла все же не менее 46%. И поскольку товарность сельского хозяйства в 1913 г. не превышала 36%, то все возрастание товарности в царской России сверх этой нормы объясняется опережающим ростом промышленности.

Возникает вопрос о структуре товарного обращения в феодальной России и прежде всего о доле промышленных товаров в общем обороте. Этот вопрос не требует для своего решения сплошного учета. И новая работа Б. Б. Кафенгауза достаточно освещает его в порядке выборочного обследования по ряду крупных городских рынков первой половины XVIII в. Вот, например, как выглядит эта структура товарного обращения за годы Петровской эпохи:

ТАБЛИЦА 1

Учетный товароборот по продаже, в рублях *

Товары \ Рынки	Новгород 1714 г.	Курск 1720 г.	Москва 1723—1726 гг.	Итого	
				абс.	в %
I. Сельскохозяйственные:					
1. Зерно, мука, крупа	46 751	826	75 600	123 177	20,9
2. Живой скот	6 908	57 995	—	64 903	11,0
3. Кожи, меха, пушнина	2 885	22 684	32 844	58 413	9,9
4. Рыба, икра	4 201	3 600	40 284	48 085	8,2
5. Мед	5 389	5 180	4 448	15 017	2,6
6. Лен и пенька	10 303	—	—	10 303	1,7
7. Хмель	4 399	—	2 120	6 519	1,1
8. Фрукты и овощи	2 889	—	1 628	4 517	0,8
9. Воск	2 409	—	1 284	3 693	0,6
10. Мясо	1 920	1 152	—	3 072	0,5
11. Масло коровье и сало	269	—	508	777	0,1
12. Прочие	1 587	2 290	4 824	8 701	1,5
Итого	89 910	93 727	163 540	347 177	58,9
II. Промышленные:					
1. Ткани и галантерея	7 335	23 743	113 782	144 860	24,6
2. Порох и селитра	—	19 874	810	20 684	3,5
3. Металлы и изделия из них	1 889	10 000	3 465	15 354	2,6
4. Масло конопляное	3 329	102	3 576	7 007	1,2
5. Бумага, стекло, мыло	1 212	625	502	2 339	0,4
6. Прочие	10 307	8 746	4 123	23 176	3,9
Итого	24 072	63 090	126 258	213 420	36,2
III. Нераспределенные	4 929	12 066	11 574	28 569	4,9
Всего	118 911	168 883	301 372	589 166	100,0

* Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 41, 70, 91, 110, 195, 204, 233, 304

Подсчитанные нами итоги охватывают всего около 5% обложенного пошлинами товарного обращения внутри России (589 тыс. от 12 млн. руб.). Очень неполно учтен здесь оборот даже по московским таможенным. В 1731 г. по одной лишь Москве, судя по итогу собранных здесь пошлин — 75 тыс. руб., — оборот достигал 1,5 млн. руб. т. е. раз в пять выше учтенной нами цифры в 301 тыс. руб. Но для выборочного обследования и такой процент выборки не мал. Во всяком случае, несмотря на досадные пробелы в учете ряда важных товаров, можно утверждать, что на

¹¹ «Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900—1913 гг.», под ред. С. Н. Прокоповича, М., 1918, стр. 66.

долю промышленной продукции уже в Петровскую эпоху падало не менее 36% всего оборота, т. е. свыше 6 млн. руб. А ведь в их числе здесь вовсе еще не учтены продукты винокуренной, соляной и табачной монополий и очень слабо представлена металлопромышленность, в которой было занято до 30% всех рабочих тогдашних мануфактур. Правда, преобладающая роль в этом обороте, несомненно, принадлежала мелкой промышленности, так как на долю всех мануфактур, считая в них 18 тыс. рабочих с выработкой до 50 руб. в год на каждого, можно отнести не свыше 900 тыс. руб. товарной продукции, т. е. всего 15% от оборота промышленной продукции и едва около 5% от всей товарной массы в стране. Но из мелких хозяйчиков, пользующихся за отсутствием дворянских привилегий исключительно вольнонаемным трудом, в феодальную эпоху как раз органически, т. е. совершенно безыскусственно, вырастали средние и крупные предприниматели, а вместе с ними и зачатки нового, капиталистического уклада.

Еще не так давно имела широкое хождение легенда об «искусственном» насаждении и «казенно-парниковом воспитании промышленности» в России при Петре. Но ведь мелкую промышленность никто не насаждал. Очень сильно преувеличивали роль торгового капитала в первоначальном его накоплении для создания крупной промышленности. Но не следует забывать, что даже самый хищный торговец-скупщик может присвоить в неэквивалентном обмене и накопить лишь те ценности, которые уже созданы трудом и поступают на рынок из сельского хозяйства и промышленности. Крестьянин и мелкий промышленник могут реализовать на рынке свой товар и без помощи торговцев, сбывая его непосредственно потребителям. А с ростом товарооборота эти мелкие товаропроизводители и сами, из собственной среды выделяют на роль скупщиков достаточно Колупаевых и Разуваевых, способных со временем из кустарной светелки создать и крупную ткацкую мануфактуру или из рядовой кузницы — большой доменный железоделательный завод. Но широкого накопления торгового капитала без достаточного развития товарности производства в стране невозможно себе и представить.

Вот почему первичным и потому особенно показательным для начальной стадии разложения феодализма фактором мы считаем рост товарной продукции и темпы этого роста во времени. Сопоставляя эти темпы за разные периоды феодального и капиталистического развития в России по общему объему товарной массы в неизменных ценах мы получим такие цифры:

Г о д ы	Рост в %
1680—1701	107
1701 - 1724	176
1724—1749	136
1788—1913	210

Как видим, за последние 25 лет капиталистической России товарооборот в ней поднялся на целых 110%, резко превышая темпы феодальной эпохи. Но прирост за 1701—1724 гг. на 76% тоже представляет собою выдающийся скачок, открывающий новую эпоху по сравнению с темпами XVII в. С этого момента можно уже говорить о формировании капиталистического уклада в феодальной экономике России. Перенести этот рубеж на вторую половину XVIII в., как это делают многие историки, я не вижу особых оснований. Тем более, что уже во второй четверти XVIII в. намечается даже некоторое замедление в темпах роста товарной продукции. К сожалению, для второй половины XVIII в., за ликвидацией внутренних таможенных пошлин, мы уже не располагаем прямыми данными о масштабах и структуре товарного обращения. Од-

нако, если за меру роста промышленной продукции принять общее число рабочих всех мануфактур, которое за 1725—1750 гг. возросло, по нашим расчетам, на 187%, а в последующие 50 лет — не свыше, чем на 94% в среднем за каждую четверть века, то замедление темпов роста их продукции за этот период едва ли может вызвать сомнение.

Отсутствуют прямые данные о товарном обращении XVI—XVII вв. И это затрудняет решение вопроса: с какого же момента феодализм вступил у нас в нисходящую фазу своего развития. Однако, когда от здорового роста производительных сил, на свойственной ему основе натурального сельского хозяйства, феодализм вступил на путь разложения этой основы и накопления противоречий между этой хозяйственной основой со всеми ее защитными надстройками, с одной стороны, и растущими зачатками нового, более прогрессивного индустриального строя, с другой, это, несомненно, должно было сказаться и замедлением в дальнейшем росте старого базиса, и кризисными перебоями в его развитии, и общим кризисом всей устаревшей системы феодальных общественных отношений в базисе и надстройках. И казалось бы, что для ответа на вопрос: когда же именно наш феодализм перешагнул в своем развитии через такой переломный порог, имеется достаточно вполне осязательных примет. А между тем советские историки расходятся в решении этого вопроса очень резко, на целые века.

Напомним, что М. В. Нечкина, поставившая впервые этот вопрос уже лет пять тому назад, находила, что русский феодализм вступил в нисходящую фазу своего развития уже с конца XVI в.¹² А вот другой автор, Ф. Я. Полянский, и ныне еще в своей новейшей работе решительно оспаривает это мнение. «На самом деле,— утверждает он,— XVI—XVIII века были периодом невиданной экспансии и расцвета феодализма в России. Говорить о начале его разложения можно лишь применительно ко второй половине XVIII века, а кризис феодализма происходит только во второй четверти XIX века»¹³. Итак, расхождение во взглядах нешуточное, по меньшей мере на два с половиной века.

Учитывая, что весь период феодализма в России, с IX по XIX в., насчитывает не свыше десяти веков, возможность таких погрешностей (в два—три века) при датировке перехода от «расцвета» к «разложению» данной формации была бы весьма печальной для исторической науки. Но, по-видимому, в этом споре расхождение взглядов вытекает уже из различной трактовки одних и тех же понятий. Говоря о «расцвете феодализма», Ф. Я. Полянский, как видно из дальнейших его формулировок, имеет, в сущности, в виду «экспансию крепостничества и абсолютизма» в России XVII—XVIII вв., в то время как М. В. Нечкина ставила вопрос о восходящей и нисходящей линии феодализма, как хозяйственной формации. А это весьма различные вещи. Крепостное право — это только надстройка над производственным базисом феодализма, и усиление или расширение крепостничества можно лишь в результате крайней близорукости рассматривать в качестве экономического подъема или расцвета феодализма.

По концепции Полянского, экспансия крепостничества и абсолютизма — это первичный фактор, создавший и «экономическую базу» для широкого развития торговли и первоначального в ней накопления прибытков, получивших свое применение при Петре в мануфактурной промышленности. А поскольку появление мануфактур и по его мнению «явилось настоящим скачком в развитии производительных сил в России XVII—XVIII веков», то отсюда уже, по-видимому, возникает и его идея о расцвете феодализма¹⁴. С такой концепцией, однако, никак нельзя согласиться.

¹² М. В. Нечкина. О двух основных стадиях развития феодальной формации, М., 1954.

¹³ Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 24.

¹⁴ Там же, стр. 14, 25, 40.

Усиление крепостного гнета и экспансия крепостничества на новые земли действительно имели место в России XVII—XVIII вв., но их ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве предпосылок «экономического роста страны». Там, где происходило расширение барских запасек крепостным трудом за счет сокращения оброчных крестьянских хозяйств, это, несомненно, влекло за собой не повышение, а снижение производительности крестьянского труда. Правда, это не мешало расширению хлебной торговли, ибо товарность помещичьих хозяйств была выше, чем у крестьян. Но такой рост товарности у помещиков был возможен лишь за счет снижения собственного производства и потребления крестьян, переводимых на барщину. Что же касается мануфактур, то хотя они и росли, несмотря на тормозящее этот рост воздействие крепостного права, и это содействовало экономическому росту страны, но такой рост капиталистических зачатков служил не расцвету, а разложению и вытеснению производственных основ феодализма. И если мануфактура, по признанию самого Полянского, совершила целый скачок в развитии производительных сил еще в XVII—XVIII вв., то можно ли вообще игнорировать такой скачок, относя начало разложения феодализма лишь ко второй половине XVIII или даже на вторую четверть XIX в.?

Это было бы возможно лишь в одном случае: если бы всю мануфактуру дореформенной эпохи можно было объявить чехом крепостной. Тогда ее успехи как раз и послужили бы аргументом в пользу «невиданного» расцвета феодализма вплоть до самой его бесславной кончины в 1861 г. Но такая трактовка дореформенной мануфактуры и фабрики давно уже безнадежно устарела. Все историки ныне уже согласны, что капитализм вызревал еще в недрах феодализма. Спорным является лишь момент, с которого феодализм вступил в нисходящую стадию. И мне кажется, что в этом споре следует полностью поддержать мнение М. В. Нечкиной.

Русский феодализм уже с IX в. развивался в основном на базе натурального сельского хозяйства. Основной производительной силой был крестьянин-пахарь, а высшим его достижением было паровое трехполье, с обработкой примитивной сохой и прочим крестьянским инвентарем как собственных крестьянских, так и барских посевов. Но к этому потолку своих возможностей феодализм поднимался постепенно от гораздо более низких систем хозяйства, таких как хозяйство кочевников-скотоводов в степи, как мотыжное земледелие, а затем пашня с перелогом на юге или подсечно-переложное земледелие во всей лесной полосе древнейшей России, о чем свидетельствует и наш былинный эпос. Спрашивается, какой же подъем производительных сил сопровождал собой переход от общинно-родового уклада к расширению и достижению господства феодальной формации в России за весь восходящий период ее развития?

Некоторое представление об этом дают следующие сопоставления. Бюджетные данные о продуктивности крестьянского труда в земледелии царской России и кочевников-скотоводов Монголии показывают, что выручка за день труда в кочевом скотоводстве не превышала 2,3 кг баранины, или 5800 калорий, а в крестьянском трехполье — не менее 13,3 кг зерна, или 40 000 калорий, т. е. по питательной ценности этой продукции почти в семь раз больше. В мотыжном земледелии на обработку гектара посева мотыгой из лосяного рога или деревянной ручной рассохой требовалось по меньшей мере раз в пять — шесть больше труда, чем в крестьянском сошном трехполье XVI—XVII вв.¹⁵ И даже трудоспособность подсечно-переложного земледелия, с железным топором и бороной

¹⁵ Подробнее об этом см. С. Струмилин. К истории земледельческого труда в России. «Вопросы экономики», 1949, № 2.

суковаткой, была раза в три-четыре выше, чем в пашенном паровом трехполье. Все это говорит, что подъем производительных сил растущего феодализма с IX до XVI—XVII вв. измерялся не десятками, а сотнями процентов. Но с того момента когда паровое трехполье, вытеснив почти повсеместно перелог и подсеку, достигло своего потолка, оно могло заметно расти только вширь, захватывая с ростом населения все новые земли. А трудоемкость его и в 1642 г. и два века спустя, перед реформой, в центральном земледельческом районе определялась, по имеющимся данным, в 25,4—25,6 человеко-дней на десятину, т. е. вовсе не изменилась. Да и урожайность полей в «самах» поднялась примерно с 3,2 до 3,5, т. е. всего на 10% за два столетия¹⁶.

Однако переломный момент от восходящей линии в развитии феодализма обозначился еще раньше XVII в. Ярче всего он сказался в аграрном кризисе второй половины XVI в. Толчком к нему можно считать «революцию цен», которая в XVI в. имела место в Западной Европе в результате огромного прилива сюда денежного металла, нагребленного в американских колониях. На Западе в связи с этим цены серебра упали за весь XVI в., по Зоетбееру, в 2,8 раза. Докатилась эта волна дешевеющих денег и серебра и до русских рынков и при меньшей товарности производства в стране сказалась еще более резким скачком цен. Принимая цены 1600 г. за 100, мы получаем, по исследованию А. Манькова, такую динамику цен на русских рынках XVI в.¹⁷:

Г о д ы	Цены скота	Хлеб в зерне	В среднем
1500—1509	42	21	32
1510—1519	28	48	38
1520—1529	47	30	39
1530—1539	42	37	39
1540—1549	48	155	101
1500—1549	41	58	50
1550—1559	68	109	89
1560—1569	62	81	72
1570—1579	83	132	107
1580—1589	80	133	106
1590—1599	99	97	98
1550—1599	79	110	94
1600	100	100	100

Как видим, в среднем по скоту и хлебу в зерне эти цены и в России за 100 лет выросли не менее, чем в три раза, а в частности в зерновом хозяйстве еще значительно — раз в пять. Но даже только за одну лишь в т о р у ю половину века, по сравнению с первой, и хлебные цены, и цены скота вырастают почти вдвое. Конечно, колебания хлебных цен гораздо значительнее по сравнению с ценами скота, в результате колебаний урожайности. Например, взлет хлебных цен 1540 и 1549 гг. объясняется неурожайными бедствиями. По свидетельству летописи, в 1549 г. «хлеб был дорог», по 8 гривен четверть, «и людей с голоду мерло много». Подобный же голод отмечается в 1556 и в 1557 гг. «по всем московским

¹⁶ См. там же.

¹⁷ А. Г. Маньков. Цены и их движение в русском государстве XVI века, М.—Л., 1951, стр. 118—119, 138—139. Все цены приведены в рублях 1600 г. (по 6 руб. из одного фунта серебра).

городом»¹⁸. Высокие цены на хлеб в 70 и 80-х годах не случайно совпадают как раз со временем аграрного кризиса в земледельческом центре России. Как чуткий барометр экономической погоды они безошибочно отмечают ее ухудшение с конца 70-х годов, но тут уже дело идет не о рядовых недородах по причине засухи или ненастья. Побывавший в эти годы в России англичанин Флетчер писал, что хлеба здесь произрастают в достаточном количестве, даже в избытке. Если же бывает дороговизна, как в прошедшем 1588 г., «то это меньше зависит от неурожая, нежели от дворянства, которое, по временам, слишком возвышает цены на хлеб»¹⁹.

Возвышались, однако, дворянами не только цены на хлеб, но и денежные оброки, возлагаемые ими на своих крестьян, т. е. феодальная рента. До тех пор, пока она взималась натурой, «столовыми припасами» и прочей скоропортящейся продукцией деревни, их мудрено было накапливать в неограниченных масштабах. Но с расширением денежного спроса возможности накопления показались помещикам уже безграничными. И прежде всего это сказалось в массовом переходе от продуктовых к денежным формам феодальной ренты. Если в начале века, по писцовым книгам Вотской пятины, денежным оброком было обложено всего от 6 до 9% крестьянских дворов, то к 1545 г. в Бежецкой пятине этот процент поднялся уже до 26, по Обонежской к 1565 г. до 76%, а к концу XVI в. в целом ряде дворянских вотчин центра натурального оброка вообще уже не наблюдалось. К тому же начиная с 1551 г. и большинство государственных повинностей переводится в денежную форму. Вместе с тем денежные оброки в новгородских вотчинах возрастают с начала века от 4 гривен, или 56 денег до 200 денег с обжи 1576 г., а в дворцовых волостях Тверского уезда податное бремя крестьян из расчета на единицу площади возросло за тот же век в $3\frac{1}{4}$ раза. Вдорожала земля больше чем вдвое, и стали расширяться барские запашки, а стало быть, и даровой барщинный труд. А кончилось все это тем, что не вполне еще закрепощенное крестьянство, спасаясь от своих помещиков, разбежалось из населенного центра на пустопорожние земли окраин²⁰.

Это была наиболее доступная ему форма классовой борьбы, поскольку она требовала от людей лишь достаточной решительности. Но помещикам она наносила тяжелый удар. Барские запашки запустели. Огромная доля пашни была брошена и обращена в залежь, рощисты быстро заросли лесом. В Бежецкой пятине под перелогом и лесом в 1551 г. было всего 6,4% запущенной пашни, в 1564 г.—20,5%, в 1584 г.—95,3%²¹. Никакие стрелецкие заставы на пути беглецов не могли повернуть вспять этот массовый поток отчаявшейся голытьбы. Вспять от вершин парового трехполья повернулось само сельское хозяйство феодалов.

Чтобы изжить этот аграрный кризис земледельческого центра феодалам пришлось приложить не мало усилий в классовой борьбе с крестьянством. Лишь к середине XVII в. они добились полного закрепощения своих крестьян в Уложении 1649 г. Но и до и после этого акта крестьянство не раз реагировало против растущего крепостного гнета такими все более грозными движениями, как антифеодальные восстания под знаменами Болотникова в 1606—1607 гг., Разина — в 1667—1671 гг., Пугачева — в 1773—1774 гг. Чтобы сдерживать эти мощные силы феодалам требовалась сильная власть, и они укрепляли абсолютизм. Кстати сказать, и сама *«абсолютная монархия»*, — по свидетельству Маркса, — возникает в переходные периоды, когда старые феодальные

¹⁸ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 31. Московская цена в 1600 г. не превышала 20 коп. за четверть (стр. 111).

¹⁹ Д. Флетчер. О государстве Русском, СПб., 1906, стр. 14 (подчеркнуто мною. — С. С.)

²⁰ См. С. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 93—94.

²¹ Там же, стр. 95.

сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии»²². Таким образом, «экспансия крепостничества и абсолютизма», как результат обострения классовой борьбы и классовых противоречий в феодальном обществе, сама по себе, вопреки мнению Ф. Я. Полянского, показателем расцвета феодализма никак служить не может. Что касается, в частности, абсолютизма, который расцвел у нас задолго до времен Екатерининских, то и он должен служить признаком разложения, а не экономического подъема феодализма XVII—XVIII вв.

Итак, переломный момент в развитии русского феодализма, если связывать его с первыми успехами абсолютизма в стране, можно отнести уже к эпохе царствования Иоанна Грозного в 1547—1584 гг. Кстати сказать, именно в эти годы была мобилизована им и опричнина (с 1565 г.) для разгрома боярства, и протекал аграрный кризис в земледельческом центре — с обострением всех классовых противоречий. Но взлет цен в 70—80-х годах этого века всего ярче отражает экономическую подоплеку того кризиса, который открыл собою начало нисходящей стадии — разложение естественных основ феодализма. Это разложение продолжается и в XVII в. созданием новых «буржуазных связей» на всероссийском рынке, и в XVIII в. — целым скачком в развитии петровских мануфактур, и в XIX в. — новым кризисом трехполья в феодальной деревне и новыми успехами на путях от мануфактуры к фабрике в капиталистической промышленности. Таким образом и эту, нисходящую стадию развития феодальной формации нельзя рассматривать как полосу сплошного упадка производительных сил. Они, хоть и с перебоями, продолжали расти. И этот рост не исключал «экспансии» элементов крепостничества. Но он протекал все более односторонне, в основном за счет зачатков капитализма при явном отставании и все большем загнивании важнейших элементов экономики феодализма.

Для анализа явлений этого рода историку особенно много дает кропотливое изучение движения цен и товарного обращения прошлых веков. К сожалению, это очень трудоемкая и малоблагодарная работа. Значение ее для нашей марксистской науки еще не достаточно осознано. По истории цен в России у нас еще очень мало работ. О товарном обращении еще меньше. А между тем история не станет сколько-нибудь точной наукой до тех пор, пока в ее руках не будет таких важных измерителей общественного развития, как цены, обороты ценностей и другие столь же конкретные мерилы затрат и продуктивности человеческого труда на разных этапах его истории. И с этой точки зрения монография Б. Б. Кафенгауза о рыночных оборотах Петровской эпохи представляет особый интерес и ценность.

Большой интерес представляют и продажные цены разных товаров Петровской эпохи, опубликованные Б. Б. Кафенгаузом в том же исследовании. Сопоставляя эти цены за 1714, 1720, 1726 гг. с данными конца XVI в. и ценами 1913 г., мы получаем такую картину крупнейших сдвигов в ценообразовании за три с лишним века²³ (см. табл. 2).

Конечно, в течение веков менялись и нормы, и структура потребления, и качество одноименных продуктов. Колебались и цены на разных рынках весьма заметно. Выбор их за XVI—XVIII вв. был очень ограничен; сопоставимость цен по отдельным товарам в нашей таблице едва ли велика. Но в сумме цен по всему набору динамика их весьма показательна и позволяет сделать целый ряд немаловажных наблюдений. Прежде всего заслуживает внимания тот факт, что, если за XVI в. товарные цены в серебряной валюте выросли по меньшей мере раза в 3, то за следующие, примерно, 120 лет стоимость нашего набора товаров возросла в т е к у щ е й

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 306.

²³ А. Г. Маньков. Указ. соч., таблицы 1, 9, 13, 18, 20, 22, 25, 29, 30, 34, 50; Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 107—109, 130, 160, 187—189, 249, 242, 314.

валюте с 3 руб. 49 коп. до 7 руб. 83 коп.,— всего в 2,24 раза. Но в то же время рубль, по весу серебра, упал с 15,4 до 4,9 золотников — в 3,15 раза. И, стало быть, учтенные в таблице товары по отношению к серебру вовсе не вздорожали, а даже подешевели в отношении 3,15 : 2,24, т. е. в 1,4 раза, или на 29%. Чем же это объясняется?

ТАБЛИЦА 2

Сдвиги цен в России с конца XVI в. по 1913 г.

Набор продуктов	Единица счета	Норма потреб- ления за год	Цены за единицу в коп.			Стоимость нормы в коп.		
			Конца XVI в.	1720 г.	1913 г.	Конца XVI в.	1720 г.	1913 г.
I. Сельскохозяйственные продукты :								
1. Рожь в зерне	пуды	12	2,5	7,5	83	30,0	90,0	996
2. Пшеница	"	2	3,5	9,5	110	7,0	19,0	220
3. Крупа гречневая	"	2	3,8	13,0	184	7,6	26,0	368
4. Говядина	"	1,5	21	47	740	27,0	66,0	1110
5. Баранина	"	1	20	45	640	20,0	45,0	640
6. Рыба	"	0,9	7	10	400	6,3	9,0	360
7. Масло коровье	"	0,3	48	160	1780	14,4	48,0	534
8. Молоко	ведро	3,3	2	(13)	150	6,6	42,9	495
9. Яйца	сотня	1	10	(40)	300	10,0	40,0	300
10. Мед—сахар	пуды	0,6	50	100	584	30,0	60,0	350
11. Овчина деланная	штука	1	4,5	17	178	4,5	17,0	178
Итого	—	—	—	—	—	163,4	462,9	5551
II. Промышленные про- дукты:								
12. Масло конопляное	пуды	0,4	20	57	548	8,0	22,8	219
13. Соль	"	0,5	10	24	30	5,0	12,0	15
14. Мыло	"	0,3	300	(400)	525	90,0	120,0	158
15. Холст—полотно	арш.	7	1,6	3	14	11,2	21,0	98
16. Крашенина—ситец	"	24	2	4	15	48,0	96,0	360
17. Сукно русское	"	2	3,3	5	160	6,6	10,0	320
18. Сапоги яловочные	пара	0,8	12	35	544	9,6	28,0	435
19. Топор железный	штука	1	7,5	10	90	7,5	10,0	90
Итого	—	—	—	—	—	185,9	319,8	1695
Всего (I+II)	—	—	—	—	—	349,3	782,7	7246
Индекс цен (1913 г.=100)	—	—	—	—	—	4,8	10,8	100,0

По закону стоимости цены в товарном обращении изменяются в обратной пропорции к динамике производительности труда в различных его отраслях или в связи с изменением покупательской стоимости самой денежной единицы. В XVI в. революция цен была, несомненно, вызвана изменениями на стороне денег, и потому и сельскохозяйственные, и промышленные товары повышались в одном и том же темпе за вторую половину века, по хлебу и скоту в 2 раза и по всем промышленным товарам тоже примерно в 2 раза²⁴. Крупной промышленности еще не было, а мелкая не опережала заметно в своем развитии сельское хозяйство. Но уже в XVII в. появились первые мануфактуры, а в Петровскую эпоху имел место целый скачок в их развитии и это сразу же отразилось в движении цен.

²⁴ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 97. За первую половину XVI в. у Манькова было слишком мало данных о ценах на продукты кустарно-ремесленных промыслов для построения индекса.

В целом, по всему набору продуктов, цены серебра уже отставали от общего роста товарных цен. Значит, никакой денежной инфляции за этот период допускать нет оснований. Но в то же время цены промышленных товаров стали заметно отставать от роста сельскохозяйственных цен. И это означало, что рост производительности труда в промышленности опережал ее рост в сельском хозяйстве. А стоимость всего набора в неизменных ценах 1913 г., по исчисленному нами индексу, так изменила свою структуру:

Стоимость набора в руб. и в %						
	к 1000 г.		к 1720 г.		к 1913 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1. Сельскохозяйственные товары	33,9	46,8	42,8	59,1	55,5	76,6
2. Промышленные товары	38,6	53,2	29,7	40,9	17,0	23,4
Весь набор	72,5	100,0	72,5	100,0	72,5	100,0

Одно и то же количество благ, производимых в сельском хозяйстве, становилось по отношению к серебряному рублю все дороже, а в промышленности все дешевле, конечно только потому, что производительность труда в промышленности росла быстрее, чем в сельском хозяйстве. Но серебряный рубль недостаточно отражает это удешевление промышленной продукции, ибо и серебро обесценилось по отношению к золоту за те же три века не менее, чем в 4,5 раза. Недостаточно отразил бы его и золотой рубль, поскольку и в добыче золота росла производительность труда. Наиболее медленно она росла, несомненно, в сельском хозяйстве. И вот, если уровень цен и производительность труда в сельском хозяйстве принять за 100, то для промышленности получают такие показатели:

Показатели	к 1600 г.	к 1720 г.	к 1913 г.
I. Динамика цен (по табл. 2)			
а) сельскохозяйственных	100	283	3397
б) промышленных	100	172	912
II. Снижение цен в промышленности (б : а)	100	61	27
III. Рост производительности (а : б)	100	165	372

Сельскохозяйственные цены к 1720 г. возросли в 2,83 раза, а промышленные — только в 1,72 раза. Это означает, что промышленные товары по отношению к сельскохозяйственным подешевели на 39%, и если цены следуют закону стоимости, то производительность труда в промышленности опередила ее рост в сельском хозяйстве за соответствующий период на $283 : 172 = 1,65$, т. е. на 65%. А за следующий период, по тем же данным, к 1913 г. это опережение в производительности труда с 1720 г. возросло бы еще не менее $372 : 165 = 2,24$, т. е. еще более, чем в 2 раза. Но нужно еще учесть, что и в сельском хозяйстве и урожайность, и производительность труда не стояли на месте. По моим, правда очень приблизительным подсчетам в подсечно-переложном земледелии на тонну зерна затрачивалось к XII в. до 500 дней живого и овеществленного труда, в паровом трехпольи XVI в. не более 161 дня, а в среднем, считая, что к XVI в. паровое трехполье занимало уже не менее 50% посевов, эти за-

траты составляли около 330 дней на тонну чистого сбора зерна; к 1642 г. они снизились до 146 дней, перед реформой 1861 г. мы их определяем в 117 дней, а за 1909—1913 гг.— в 71 день²⁵. Исходя из этих данных, можно думать, что производительность труда в земледелии дореволюционной России, принимая ее уровень XII в. за 100, росла в дальнейшем примерно такими темпами (в %):

к концу XII в.	100
к концу XVI в.	(212)
к 1720 гг.	(242)
к 1860 г.	282
к 1913 г.	465

При этом на восходящей стадии развития феодализма — за XII—XVI вв. рост производительности труда в земледелии достигал 20% за сотню лет, на нисходящей стадии феодализма — с 1600 до 1860 г.— этот рост не превышал уже 12% за целое столетие, а в новых условиях капитализма, после 1861 г., несмотря на все пережитки феодализма в земледелии, мы наблюдаем новое ускорение в росте производительности труда — до 65% всего за полвека. Но и на этом этапе, как и в Петровскую эпоху, рост производительности труда в промышленности резко обгоняет ее рост в сельском хозяйстве. Это подтверждается и прямыми подсчетами, и анализом сравнительной динамики цен в промышленности и сельском хозяйстве капиталистической эпохи. Но анализ движения цен позволяет нам выходить и за рамки этой эпохи, в глубь истории, где прямых данных о росте продукции и затратах труда вовсе нет, а косвенные показатели слишком недостаточны. В таких случаях индексы движения цен представляют собою, при умелом ими пользовании, исключительно ценный материал для историка-экономиста. Они позволяют судить о главных направлениях и сравнительных темпах развития производительных сил на разных этапах истории. Остается лишь пожалеть, что их недостаточно изучают наши историки.

Тем более высоко приходится оценить последний труд Б. Б. Кафенгауза о ценах и оборотах внутренней торговли в России Петровской эпохи. Им восполняется серьезный пробел в истории цен на одном из интереснейших ее участков. Хотелось бы, чтобы этот ценный вклад в нашу науку послужил толчком и к ряду дальнейших исследований в той же многообещающей области. Думается, что именно в этой области исследований мы найдем решение многих наиболее интересных и спорных вопросов нашей экономической истории.

²⁵ С. Струмилин. К истории земледельческого труда в России. «Вопросы экономики», 1949, № 2, табл. 5.

